

Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике

Пolemическое название доклада немецкого слависта К. Штейнке, представленного на XII Международном съезде славистов (осень 1998 г., Краков) – «Праславянский язык: фикция и/или реальность?» – отражает весьма актуальную для современного исторического языкознания проблему приближения реконструкций состояния и истории языка в древние эпохи к соответствующей исторической реальности. Автор доклада отметил уязвимые места реконструкции истории диалектов праславянского языка – невнимание к сложности протекания процесса диалектной дивергенции, перемежившейся (и сопровождавшейся) с явлениями конвергенции отдельных диалектов¹. Очевидно, подобные огрубления возможны и в других реконструкциях при ориентации на жесткие закономерности. Приближение реконструкции к исторической реальности требует учета тех осложнений закономерностей – нарушений, исключений вследствие действия аналогии, экспрессивных и других факторов, которые явно присутствуют в наблюдаемом состоянии языка и которые вполне вероятны в его истории.

В области истории лексики таким широко распространенным нарушением правильного процесса изменений является народная этимология, или этимологическая реинтерпретация². Теоретически уже давно признано, что народная этимология – это закономерный и регулярный (= постоянно действующий) процесс в языке, обеспечивающий системную организацию лексики на каждом хронологическом уровне³, однако практическое обращение к возможности ее действия в дописменной истории конкретных этимологически «темных» славянских лексем весьма ограничено и всегда встречается с осторожностью. Это объясняется не только факультативностью данного явления, но и недостаточной изученностью условий и причин этимологической реинтерпретации, ее механизма, направления воздействия на форму и значение слова, характеристик ее конечных результатов, что, в свою очередь, в немалой степени зависит от анализа явлений народной этимологии в течение длительного време-

¹ *Steinke K.* Praslaviańszczyzna: fikcja i/lub realność // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 150–151.

² Термин «этимологическая реинтерпретация» – reinterpretacja etymologiczna – предложен в работе: *Cienkowski W.* Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972. S. 10.

³ См. ранние исследования: *Förstermann E.* Über deutsche Volksetymologie. 1852; *Kořánek J.* Poznámky k metodice etymologizování // Slovo a slovesnost. 1936. Ročn. 2, seš. 2.

ни преимущественно на материале адаптации заимствований. Однако сама природа этимологической реинтерпретации подсказывает рациональность исследования всего комплекса ее проблем на материале и с - к о н н о й лексики и особенно д и а л е к т н о й, менее связанной нормами и книжным влиянием.

Изучение народной этимологии в диалектах русского языка может дать сведения об архаизации/актуализации определенных корней, их значений, словообразовательных моделей в истории русского языка. А наблюдения и выводы об условиях, причинах и объектах народной этимологии, о семантической направленности преобразований, о структурных характеристиках лексем-результатов представляют методический интерес для славянской и праславянской этимологии как средства опознания действия этимологической реинтерпретации в истории определенных слов и обоснования соответствующих генетических реконструкций.

В теории народной этимологии достаточно надежными признаются обычно следующие положения: основная причина этимологической реинтерпретации слова – утрата словом мотивированности или потребность в номинации нового объекта: направление реинтерпретации определяется воздействием на слово со стороны фонетически сходных лексем, семантическая близость не обязательна и даже редка; структурные результаты в основном соответствуют актуальным словообразовательным моделям, морфемам или наиболее частотным фонетическим комплексам¹. В отечественной науке последних десятилетий проблемы народной этимологии исследовались весьма широко именно на диалектном материале², и это привело к пересмотру или уточнению ряда привычных положений. Так, обнаружена обусловленность выбора источника ассоциативного воздействия на слово (из ряда фонетически близких слов) его собственной семантикой, т.е. взаимосвязь фонетических и семантических стимулов³; выявлена дискуссионность отнесения к сфере народной этимологии случаев преобразований, в результате которых в слове вычлняются лишь служебные аффиксы, при невозможности отождествления корня⁴; прослежено соответствие типов мотивации лексем, созданных народно-этимологическим преобразованием, тем типам мотивации, которые наиболее продуктивны в соответствующих лекси-

¹ Cienkowski W. Teoria etymologii ludowej. S. 18, 90–94, 100–104.

² См. обобщающий труд: Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989. Там же см. перечень и обзор других исследований.

³ Гридина Т.А. О характере смысловых ассоциаций в процессе народной этимологии // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 143–150; Она же. Проблемы изучения народной этимологии. С. 11–12.

⁴ Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. С. 14.

ческих группах¹; выделен тип народно-этимологических преобразований с сопутствующим внесением эмоционально-экспрессивно-оценочной мотивации или метафоризации².

Обращение к явлениям народной этимологии в диалектной лексике побуждает обратить внимание еще на несколько аспектов. Прежде всего, представляются очень существенными случаи этимологической реинтерпретации лексем в условиях вероятности сохранения ими первичной этимологической мотивации. Последнее обстоятельство может быть подтверждено наличием в тех же говорах производящих основ (что вполне надежно проверяется для всех случаев лишь в полных диалектных словарях, но для многих лексем – и в дифференциальных): ср. *приба́ўтка* [СРГСУ 4, 120] (< *прибаўтка*) – вероятно, под влиянием *балакать*, хотя в том же говоре есть и *баять* [СРГСУ 1, 38]; новг. *сўмеретки* [НОС 10, 184] (< *сумерки*) при наличии *смерканки* ‘сумерки’ [НОС 10, 95]; *сўплетки* ‘супрядки’ в контексте «Раньше *прясть* ходили в *суплетки*» [СРСГСП 3, 205], *приплёчик* ‘припечек’ [СРСГСП 3, 47], *скороёжка* ‘сыроежка’ [СРСГСП 3, 146], *ожга́рок* ‘головешка’ [СРГК 4, 162] (< *огарок*).

В некоторых случаях этимологическая ремотивация в лексемах, которые могли сохранить первичную мотивацию, спровоцирована, вероятно, позиционными фонетическими изменениями: ср. *рукотэ́льник* и *рукотэ́рник* ‘полотенце для вытирания рук’ [НОС 9, 157] – возможна диссимиляция; *сталове́р* ‘старообрядец’ [СРСГСП 3, 181] – то же; *сырове́жка* ‘сыроежка’ [Там же 3, 215] – устранение зияния; *накапу́стить* ‘напроказить’ [СРГК 3, 328] при *нака́постить* ‘то же’ [Там же] – следствие первоначальной метатезы, из *напако́стить*. Очевидно, что фонетическими причинами все случаи народно-этимологического преобразования в лексемах, потенциально сохранявших первичную мотивацию, не объясняются (см. материал выше). Представляется, что именно такие фонетически неоправданные преобразования следует анализировать в первую очередь.

Один из аспектов анализа – уже упомянутое выше определение направления изменения мотивации. Полученные исследователями выводы об усилении эмоционально-экспрессивно-оценочного и метафорического элемента мотивации (ср. и *приплечик* ‘припечек’ – выше) можно дополнить наблюдениями, обнаруживающими обратное направление мотивации, а именно – снятие первичной образности в пользу конкретизации, рациональности обозначения понятия, предмета: см. *бабо́й* ‘большой деревянный (или металлический) молот для забивания свай и измельчения грунта’ [НОС 1, 19] (< баба); *схудо́умиться* ‘сбиться с пути, потерять голову’ [СРГСУ 6, 81] – ср. *схудоумный*; *нави́чник* ‘наличник’ [СРСГСП 2, 156]. Другой

¹ Там же. С. 35–42.

² Там же. С. 48–52.

перспективный аспект исследования – выявление круга корней, подвергающихся преобразованию, и соотносительного круга корней, выделяемых в лексемах – результатах преобразования: их сопоставление может определить тенденции к архаизации/актуализации определенных корней, особенно синонимичных. Ср., например, синонимии диал. *оглоёд* ‘ненасытный человек, обжора; скряга; дармоед’ [СРНГ 22, 318] и *облоёд*, *облоёжа* ‘обжора’ [Там же, 105], которую можно истолковать как выпеснение корня (на уровне русского языка) *огл-* семантически близким корнем *обл-*.

Примечательны примеры преобразований, которые могут быть также отнесены к сфере народной этимологии, но представляют собою в сущности не преобразование мотивации, а воспроизведение ее с использованием актуальной формы того же корня, типа *ляжбина* ‘ложбина; сырая, заболоченная низина’ [СРСГУ-Д, 290]. Учитывая возможность воспроизведения народной этимологией первичной мотивации с использованием разных корней, можно на базе некоторых этимологических реинтерпретаций, представляющихся нелогичными, нерациональными, парадоксальными, определить не зафиксированное еще изменение значения корня, использованного в преобразованной форме. Так, синонимия *построкв́аша*, *пестрокв́аша*, *пестрокв́аша* ‘простокваша’ [СРСГСП 3, 38 и 17], при сохранении старого значения, свидетельствует, вероятно, об ослаблении в значении прилагательного *простой* семантического элемента ‘несложный, достигаемый легким путем’, при возрастающей роли другого элемента – ср. *простой* ‘пустой, ничем не занятый’ [СРСГСП 3, 53], что изменило мотивацию связи корней *прост-* и *кис-/киш-* и способствовало преобразованию корня *прост-*. Что же касается его замены корнем *пёстр-*, то, кажется, подстановка последнего произошла не чисто механически (парадоксально) и позволяет предполагать в данном случае развитие в *пёстр-* нового значения, отмеченного в других говорах, – ‘скудный, голодный’ (см. арх. *пёстрые дни* ‘постные дни’, казан. *пёстрый год* ‘голодный год’ [СРНГ 26, 319]). Эта гипотеза подтверждается соотносением измененной мотивации *простокваша* * ‘пустая (=несытная) кислая еда’ и мотивации *пестрокваша* * ‘скудная, голодная кислая еда’.

Народно-этимологическое сближение лексем иногда проявляется только в изменении мотивации¹, но появляющаяся в результате мотивация может послужить моделью для новообразований в тематической группе, к которой принадлежит исходная лексема (и для расширения словообразовательных гнезд лексем, синонимичных с лексемой-мотиватором). Например, праслав. **měšъkati* ‘небрежно делать что-л., медлить, пребывать, находиться’ достаточно обоснованно толкуется как производное от **měšati* ‘мешать, препятствовать, вмешиваться, задерживать’ [ЭССЯ 18, 218–219], но восходящее к

¹ Cienkowski W. Teoria etymologii ludowej. S. 22.

**měšъkati* рус. *мешкать* воспринимается вследствие народной этимологии как образование от *мешок* в его переносном употреблении 'нескладный, неловкий и медлительный человек'. Не являются ли в таком случае диал. моск., яросл. *кошѣлѣться* 'медленно делать что-л', пск., твер., костр. *кошелять* 'медлить, мешкать' [СРНГ 15, 143, 147], карел. *окошѣливатъся* 'медленно что-н. делать, медлить' [СРГК 4, 187] результатом воспроизведения мотивационной модели *мешок* – *мешкать* на базе слова *кошель*, семантически близкого к *мешок*? Очевидно, что всякая этимологическая ренинтерпретация, порождающая новую мотивационную модель, должна учитываться при этимологизации лексем соответствующей тематической группы. Так, образование *суходушина* 'очень худой, изможденный человек или животное' [СРГСУ 6, 79] от основ *сухой* и *дух/душа* представляется результатом ориентации на народно-этимологическое осмысление мотивации слова *сухопарый* как 'сухой пар (= дух, душа)' (при генетической связи *сухопарый* с глаголом *переть* 'давить, месить' и первичной мотивации 'замешенный всухую – без закваски, без жира').

При анализе структур, являющихся результатом народно-этимологических преобразований, обращает на себя внимание многочисленность сложений, возникающих на базе префиксальных или суффиксальных производных, например: *почистохвостить* 'побранить' [СРГСУ 4, 116] (< *чехвостить*), *ушекóпка* 'медлительный человек, копуша' [Там же 6, 140] (< *котуша*), *колдобóина* 'глубокая выбоина, яма на дороге' и др. [НОС 4, 79] (< *колдобина*). При этом возможны структуры типа сложений, которые формально воспринимаются как сложения, но затруднительно отождествление одной из потенциальных основ или определение мотивации, например: *куробѣнѣться* 'дурачиться, баловаться' [СРГК 3, 69] (< *кобенѣться*), *куревѣ́кать* 'плохо говорить, коверкая слова' [Там же 3, 64] (< *коверкать*), *сыробóлина* 'ежевика' [СРГСУ-Д, 524] (< **svьrhorina*). Подобным преобразованием можно объяснить и происхождение слова *глухомань*, которое восходит, вероятно, к *глухмень* (сев.-зап. 'глушь', тамб., костр. 'полночь, глубокая ночь' [СРНГ 6, 214]).

В структуре сложений примечательно, далее, появление структур со стечением гласных (зиянием) на стыке основ, например: *оплеуха* – ср. *плюха* 'пощечина'; *корноу́шка* 'корзина, сплетенная из корней сосны' [НОС 4, 114] – ср. яросл., свердл. *корневу́шка* 'то же' [СРНГ 14, 342]; новосиб. *оглоумнѣть* 'поглупеть' [СРНГ 22, 319] – ср. курск., новосиб.

¹ Варбот Ж.Ж. К соотношению славянской этимологии и праславянской морфологии (в истолковании сложных имен) // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб – Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 116–117.

оглумнѣть, курск., орл., смол., твер. *оглумѣть* ‘перестать соображать, одуреть’ [Там же, 320], зап. *оглумѣть* ‘сильным ударом по голове лишить сознания...; ошеломить; осмеять’ [Там же], что обнаруживает исконную производность от *глум*.

Реальность вторичного появления структур со стечением гласных позволяет истолковать таким же образом происхождение двух диалектных глаголов с соответствующей структурой. Первый – костр. *ощеулить* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25, 103], который при сопоставлении со словен. *ščiliti* ‘науськивать’, чеш. диал. ю.-вост. *šloulet se, užlouvat se* ‘усмехаться’ [Machek², 627], возводится к *ščul- (ср. чеш. *skulina* ‘трещина, щель’), в соответствии с семантической моделью *скалпть* зубы.

Другой синонимичный глагол – перм. *ощеурничать* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25, 104], возводимый к *ščur- ‘драть, раздирать’: ср. *ощурья* ‘короткая шерсть на животе и ногах овцы’ [СРДГ 2, 219], *выскірь* ‘клок одежды, осколок битого стекла’ [СРГСУ-Д, 71], белор. *зубы скірыць* ‘смеяться’ [Сл. Брэст, 276]. Наличие для обоих славянских корней индоевропейских соответствий с вокализмом ряда *u: ср.-в.-нем. *schiel* (**skeulo*) ‘щепка’ [Pokorny 1, 954] и лтш. *skaurināt* ‘трясти’ – делает избыточными предположения Махека о вторичном формировании их в праславянском как вариантов корней *ščel-* и *ščer-* [Machek², 627].

Е.Л. Березович
Уральский университет

Этимологическая магия как стимул мотивационного заражения (на материале русских народных названий глазной болезни «ячмень»)

Ячмень (*hordeolum*) – острое гнойное воспаление волосяного мешочка ресницы или сальной железы века. На крае века образуется припухлость, затем желтая «головка», после вскрытия которой выделяется гной и кусочки некротизированной ткани. Ячмень сопровождается отеком век¹. Кажется, русские говоры преувеличенно внимательны к этому относительно легкому заболеванию, что проявляется в существовании обширной парадигмы его наименований: таким номинативным богатством – а подчас и единственным обозначением в дифференциальной лексической системе диалекта – не могут «похвастаться» значительно более серьезные и тяжелые по последствиям недуги. Выяснение причин такого асимметричного заполнения языком «медицинской карты» человека может стать предметом отдельного исследования, сейчас же отметим лишь одну причину, лежащую на поверхности: ячмень является глазным (и видимым глазом) заболеванием, и логика мифологического мышления подсказывает, что воз-

¹ Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. М., 1974–1988. Т. 28. С. 541.